

АНАЛИЗ АВТОГРАФА «Я ВИДЕЛ АЗИИ БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ...»

В первые дни своего пребывания в Гурзуфе, между 19 и 24 августа 1820 г., Пушкин записал карандашом в недавно начатой рабочей тетради (ПД 830, л. 6) черновой набросок «Я видел Азии бесплодные пределы...». Это была его вторая попытка выразить поэтически кавказские впечатления. Прочтенные труды нескольких поколений текстологов, это стихотворение напечатано в «большом» академическом «Полном собрании сочинений» А. С. Пушкина сводкой, составленной С. М. Бонди:

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальный край, долины <?> обгорелы,
Жилище [дикое] черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!

[Ужасный край чудес]!... там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
[Мой взор встречал] близ дивных берегов
Увявших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных седилах.

(Акад. II, 141)

В этом виде набросок производит впечатление законченного лирического произведения, состоящего из двух частей,

каждая из которых изображает цельную картину. В первых шести строках разворачивается общая панорама Северного Кавказа и прилегающих местностей, обозреваемых глазами проехавшего по всему этому краю путешественника. Следующие девять строк рисуют минеральные источники с оживляющими их колоритными фигурами лечащихся людей. В вольных ямбах, которыми написано стихотворение,¹ соблюдается во всех стихах единообразно пиррихий в предпоследней стопе; десять из пятнадцати имеют по два пиррихия, разделенных в восьми случаях одной ударной стопой (в шестистопных строках 1, 3, 10, 12, 13, 14 — стопы 3 и 5; в четырехстопных строках 6 и 9 — стопы 1 и 3) и лишь в двух — двумя (в шестистопных строках 5 и 15 — стопы 2 и 5); во всех, кроме пятого, шестистопных стихах присутствует каноническая цезура после третьей стопы и в единственной пятистопной — после второй.

Содержательная и ритмическая стройность наброска достигнута отнюдь не бесспорными приемами реконструкции текста. На самом деле стихотворение у Пушкина «не сложилось», и он, оставив его на полуслове, к нему не возвращался и не пытался придать ему окончательную форму. Этого не показывают ни напечатанный С. М. Бонди в отделе «Других редакций и вариантов» текст (Акад. II, 621–622), дословно (!) совпадающий с помещенным в корпусе стихотворений в качестве основного (отличия лишь в том, что в «вариантном» тексте обозначено одно недописанное слово, а в «основном» введена редакторская пунктуация и разделение на два, по терминологии М. Л. Гаспарова,² «строфоида»), ни подстрочные к нему варианты, долженствовавшие отразить последовательное «движение» черновика, но этого эффекта не достигшие в рамках избранной системы их подачи. Реальный процесс работы и конечный результат существенно отличаются от того, как они представлены в Акад.

¹ Схема стихотворения: А А Ь С Ь С d E d E Ь Ь E f f
Я 6 6 6 6 6 4 6 4 4 6 5 6 6 6 6

² Гаспаров М. Л. Строфика нестрофического ямба в русской поэзии XIX в. // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 60.

Первые три стиха дались Пушкину легко:

- 1 Я видел Азии бесплодные пределы
- 2 Кавказа дальний край, пустыни обгорелы
- 3 Жилище знойное Черкесских табунов

Позднее, когда в дальнейших стихах появятся слова «знойный» и «пустыни» (или, согласно чтению С. М. Бонди, «пустынный»), они будут в этих строках заменены: «пустыни» на «долины <?>» и «знойное» на «дикое», причем последнее определение чем-то Пушкина не удовлетворит и он его вычеркнет, оставив стих незавершенным.

Теперь в творческой памяти Пушкина оживают и выстраиваются естественно в рифму неоднократно варьировавшиеся в разных падежных формах при попытках описания Кавказа в Эпиглоге к «Руслану и Людмиле» слова «стремнины» и «вершины» (ПД 830, л. 2, 3 об.; Акад. IV, 274, 86). После начального двуступишия со смежной рифмой намечаются контуры четверостишия:

- 3 Жилище знойное Черкесских табунов
- (4)³ Утесы мрачные <пропуск> стремнины
- (5) [Кругом] в <?>⁴ <пропуск> <...?>ные вершины⁵
- (6) Кругом обвитые венцом⁶ облаков

³ Нумерация в скобках применяется к стихам, которые при дальнейшей переработке занимают другие строки либо вообще исключаются из текста.

⁴ По-видимому, первая буква начатого слова.

⁵ Слова «стремнины» и «вершины» расположены в своих строках чуть выше их начальных слов «Утесы» и «Кругом», и это дает основание предположить (без полной, однако, уверенности), что набросок, следовавший за третьим стихом, мог начинаться с варианта, состоявшего только из концевых рифмующихся слов:

<пропуск> стремнины
<пропуск> <...?>ные вершины

⁶ Согласно правдоподобной конъектуре С. М. Бонди, здесь пропущен предлог «из». Ранее В. Е. Якушкин вставил его в текст, никак не оговорив его действительного там отсутствия (Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1905. Т. 2. Примеч. С. 368).

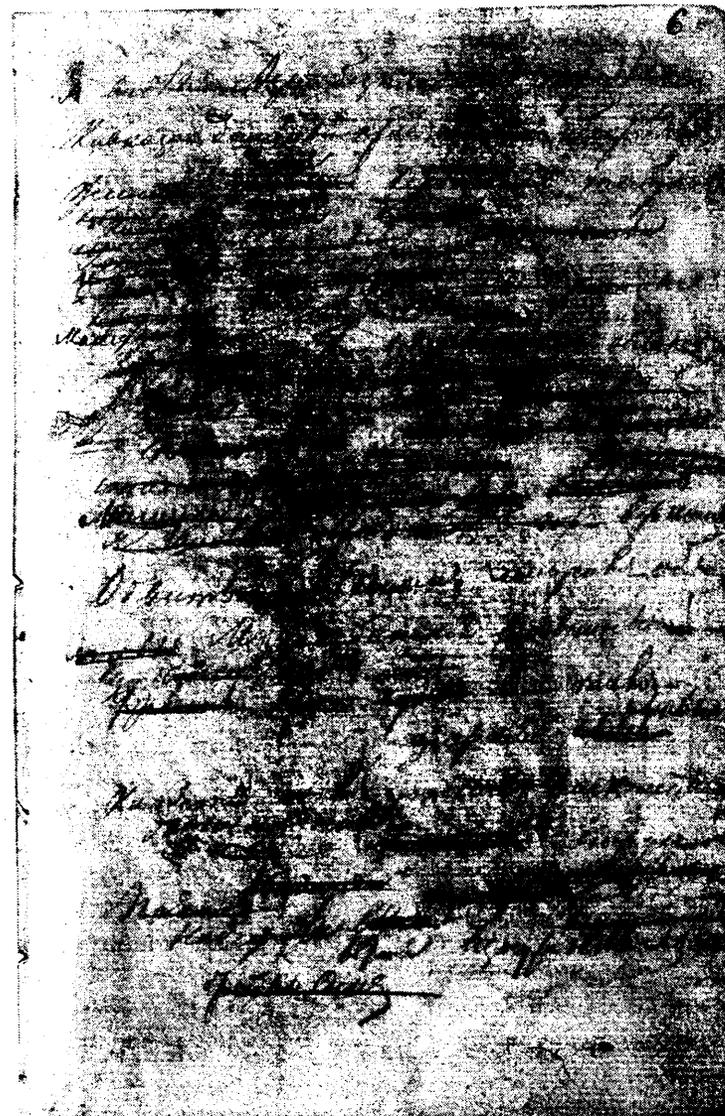

Рис. 1. Лицевая страница автографа
«Я видел Азии бесплодные пределы...»
(ПД 830, л. 6)

Начинается кропотливая работа над стихами (4) — (6). По всей вероятности, она велась не только построчно (то есть с переходом к следующему стиху лишь после завершения на данной стадии либо исключения из текста предыдущего), но в определенных моменты и над всем наброском, в результате чего могли возникать какие-то его варианты, образуемые комбинациями вариантов отдельных стихов. Однако вычленить эти предполагаемые сочетания приемами современной текстологии не представляется возможным, и, передавая эту задачу нерешенной текстологам следующего поколения в надежде, что они найдут к ней ключ, приходится, на нынешнем этапе изучения автографа, ограничиться построчным рассмотрением вариантов.

Оставляя в стихе (4) нетронутым конечное слово «стремнины», Пушкин упорно ищет начало:

- а Кипящие [ручьи] струи⁷
- б И мутный
- в Кубани мутный
- г Я видел

На последнем варианте он, видимо, сознает, что стих не получится, и от него отказывается, вычеркивая и начальные («Я видел»), и конечное («стремнины») слова. Ощущение неизбежной, после исключения строки (4), перестройки всего намечаемого четверостишия побуждает его зачеркнуть и наметки стиха (5) («<...?>ные вершины»). Вместе с тем от слова «вершины» он отказываться не намерен, тем более что к этому моменту, возможно, уже сформировался стих (6): «Обвитые венцом летучих облаков»⁸, — представляющий собою удачное к нему определение и рифмующийся со стихом 3.

Так намечился новый контур четверостишия: опоясывающая рифма сменяется перекрестной, и возникает необходимость

⁷ Чтение С М Бонди

⁸ Предшествующий вариант переработки исходного стиха зачеркнуто слово «Кругом» и вместо него начато «Машу<ка ?>» Однако нет уверенности, что эта запись относится именно к данной строке, а не к предыдущей, составляя один из ее вариантов

найти замену слову «стремнины» (табунов : вершины . облаков : ?). Попутно, в какой-то из предшествующих моментов мысленного поиска и раздумий, Пушкин нарисовал у левого края страницы в небольшом масштабе горную вершину — одну, несомненно, из виденных.

Создавая новый вариант стиха (4), вместо вычеркнутых, Пушкин пробует в нем еще раз уже «примеренную» и не принятую анафору:

Я видел <нрзб >⁹ гор вершины

Этот стих его не устраивает (может быть, анафора оказалась синтаксически неуместной на втором стихе четверостишия¹⁰), и он ему находит замену, с которой четверостишие приобретает стройный вид и возникают первые намечки следующего:

- 3 Жилище знойное Черкесских табунов
- 4 И быстрю Кубань и грозные¹¹ <вершины>¹²
- 5 Обвитые венцом летучих облаков, —
- 6 И Закубанские равнины - ¹ —

Расположенные ниже две строки имеют следующий вид:

- (7) [Подкумка б<рег ?>] <пропуск> [бранные <?> станицы] пустыни
- (8) [Станицы бранные без<...>]

«Пустыни» надписано над зачеркнутым «[станцы]». Межстрочный интервал между б и (7) уменьшен по сравнению с исходными расстояниями между предшествующими (5 и б, 4 и 5 и т.д.) строками, которые все приблизительно равны; однако интервал между б и (8) — с ними сопоставим, из чего допусти-

⁹ Начаты две буквы Чтение С М Бонди [ск<ал> <?>]

¹⁰ Слова «Я видел» вычеркнуты, кажется, отдельно от «гор вершины», то есть Пушкин, возможно, обдумывал их замену в стихе

¹¹ Чтение С М Бонди

¹² Слово не написано, но явно подразумевается рифмою О том, что пропуск здесь не означает его исключения, говорит и то обстоятельство, что в дальнейших вариантах оно будет написано

мо предположить, что строка (8) была написана ранее (7). Как указывающие на это могут быть интерпретированы и другие признаки. Первое слово в (7), начинающееся под самым подножием изображенной горы, прижато к нему без малейшего между ними пробела, что вряд ли бы случилось, если бы (7) писалось ранее (8) и в момент ее начала было бы чистым все пространство на странице ниже подножия. Конечные слова в (7) («[бранные <?> станицы]») чуть-чуть приподняты над заданной начальными горизонтальной линией, которая задевала бы верх «хвостика» буквы «б» в недописанном слове «без<...>». Это их положение относительно (8) могло быть определено тем, что именно они были первыми написаны в (7), так как если бы строка заполнялась со слова «Подкумка», пишущий вряд ли обеспокоился тем, что слегка задевает букву недописанного и к тому же зачеркнутого слова.

Если перевести все сказанное на язык подачи вариантов, то они выстроятся в следующий ряд:

- а. б И Закубанские равнины - ! —
(7) Станицы бранные без<...>
- б. б И Закубанские равнины - ! —
(7) <пропуск> бранные <?> станицы
- в. б И Закубанские равнины - ! —
(7) Подкумка [б<рег ?>] <пропуск> пустыни <?>

Последнее слово требует особого внимания и пояснений. В первоначальных транскрипциях и сводках автографа «Я видел Азии бесплодные пределы...» оно отсутствовало.¹³ В текст его ввел С. М. Бонди как прилагательное «пустынные», включив в стих 4 своей сводки («Подкумка знойный брег, пустынные вершины»), исходя из предположения, что оно было написано позднее, когда в процессе работы над этим стихом, как

¹³ См.: Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 3. С. 111-112; Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз; Ефрон, 1908. Т. 2. С. 16; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1 / Ред. М. А. Цявловского. С. 326-327 (Прилож. к журн. «Красная нива» на 1930 год) (подгот. текста Т. Г. Зенгер).

реконструировал ее исследователь, Пушкин уже не имел свободного места над строкою и поднимался выше и выше, заполняя пространство над ранее написанными строками. Главный и единственный аргумент в пользу этой интерпретации — получившийся ритмически безупречный стих. В то время, когда С. М. Бонди разбирал этот автограф, текст находился, можно думать, в лучшем состоянии, чем сейчас, по прошествии семи десятилетий, и это, конечно, придает авторитет предложенному маститым текстологом чтению. В настоящее время концовка разбираемого слова не читается «~нная» (как должна была бы согласно С. М. Бонди), а в последующем изложении будет показано, что с прилагательным «пустынный» могли бы существовать более удачные в смысловом отношении варианты, нежели получившийся у С. М. Бонди. Между тем в накопленных Пушкиным впечатлениях, отразившихся в черновой поэме «Кавказ» и много лет спустя в «Путешествии Онегина», пустынные пространства были ассоциированы с расстилающимися перед горами и между ними равнинами, то есть и с места-ми, по которым протекает Подкумок.

Пред ним пустынные равнины
Лежат [зеленой] зеленой пеленой
Там холмов тянутся грядой
Едва заметные вершины

(ПД 830, л. 15 об.; Акад. IV, 295).¹⁴

Порою вечера ненастной
В пещерах дикого Бешту
Любил он ветров вой ужасный
И бури мрачной красоты
Когда [над ним] [густели] тучи
Волнуясь вокруг пяти холмов
И по пус<тыне>¹⁵ прах летучий
Вился <?> как сумрачный покров

(ПД 830, л. 26; Акад. IV, 311).

¹⁴ Ср. другие наброски и варианты: ПД 830, л. 15-15 об.; Акад. IV, 294-295; ср. основной текст (ч. I, стихи 53-56): Акад. IV, 94.

¹⁵ Предыдущие варианты: а. равнинам б. пустыне в. равнинам

сте не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и *недвижными*» (Акад. XIII, 17).

Мелькает он и в зачеркнутых набросках описания гор в поэме «Кавказ»:

Как облаков венец *недвижный*
Их лучезарный полукруг

Венец недвижных облаков

(ПД 830, л. 24; Акад. IV, 311, сн. 3 а, м).

Окончательно закрепится этот образ в основном тексте «Кавказского пленника»:

В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков...

(Ч. I, стихи 189–196; Акад. IV, 98).

Отказавшись по изложенным, видимо, соображениям от вариантов «а» и «б», Пушкин пробует другое начало стиха:

в. Машука и Бешту < *пропуск* > вершины

Этот недоработанный стих устраняет возражения, которые могли вызвать предшествующие варианты. В частности, он хорошо сочетается со следующим, что подтверждается перенесением их позднее в паре в текст поэмы «Кавказ», где при описании гор, в которых оказался пленник (а неволью он влачил в районе Бешту, как явствует из приведенной выше цитаты²⁰) будет пробоваться двустипшие:

²⁰ См. выше, с. 169 («В пещерах дикого Бешту»).

Венцом летучим облаков
Обвиты их < *пропуск* > вершины

(ПД 830, л. 13; Акад. IV, 291, сн. 9а).

Примечательно, что существительное «вершины» выступает здесь без определения, которое, судя по этому признаку, не было найдено и там, откуда Пушкин взял эти строки — в черновике наброска «Я видел Азии бесплодные пределы...».

Не сумев подыскать эпитета, Пушкин вычеркивает названия обеих гор и прекращает поиски стиха, оставив в нем лишь одно конечное слово:

4 < *пропуск* > вершины

Далее пошла работа над продолжением стихотворения.

Здесь необходимо сделать отступление и вернуться к гипотетическому слову «пустынный». Если С. М. Бонди прочел его правильно, то появиться ему вероятнее всего было бы после варианта «б», потому что именно на этой стадии Пушкин мог бы, кажется, наиболее удачно его использовать:

Я видел снежных < ? > гор пустынные вершины

или

Машука и Бешту пустынные вершины

Предпочтительнее кажется второй вариант, так как ему находятся параллели в черновике Эпилога к «Руслану и Людмиле»:

На их вершинах опустелых

< ... >

< *пропуск* > брожу я ныне

(ПД 830, л. 2; Акад. IV, 274, сн. 6б).

Среди пустынных мрачных скал
искал

(ПД 830, л. 2; Акад. IV, 275).

Трудно представить себе, чтобы стих «Машука и Бешту пустынные вершины» не пришел Пушкину в голову, если бы он действительно подобрал сочетание «пустынные вершины»; не менее трудно было бы объяснить, по какой причине он мог бы предпочесть не совсем ясную фразу «Подкумка знойный брег» точному, по его кавказским впечатлениям, образу вершин этих двух гор. Поскольку же они, как было показано, остались и в анализируемом наброске, и в поэме «Кавказ» без самого подходящего, казалось бы, для них определения, предложенное С. М. Бонди чтение «пустынный» вызывает большое сомнение.

Для следующего четверостишия (7–10) создается начальный остов:

- 7 Ужасный край чудес! — — там жаркие [ключи] ручьи
- 8 Кипят [и] в утесах раскаленных
- 9 И их <пропуск> целебные струи²¹
- 10 Поят

В стихе 7 Пушкину не нравится начало, и он подбирает другие варианты (а. Чудесный край б. Земля <нрзб.> в. Чудесная земля), но ни один его не удовлетворяет и строка остается незавершенной:

7 <пропуск> там жаркие ручьи

В стих 8 не вносятся никаких изменений, а 9 поддается им легко:

9 Благословенные струи!

Десятый стих, напротив, требует усилий (а. Начато: Надежда б. Начато: Надежды в. Надежда верная в <?> <пропуск> осужденных г. Надежда страждущих <?> д. Надежда <нрзб.> е. Надежда бранны<х> сил²²), которые дают результат:

10 Надежда верная болезнью изнуренных!

²¹ Возможно, слово «целебные» вписано, то есть первоначально было написано: «И их <пропуск> струи».

²² «Сил» — чтение С. М. Бонди, включенное в предложенный им вариант: «Надежда бранных сил страданьем изнуренных». Не поставлен ли после «сил» восклицательный знак?

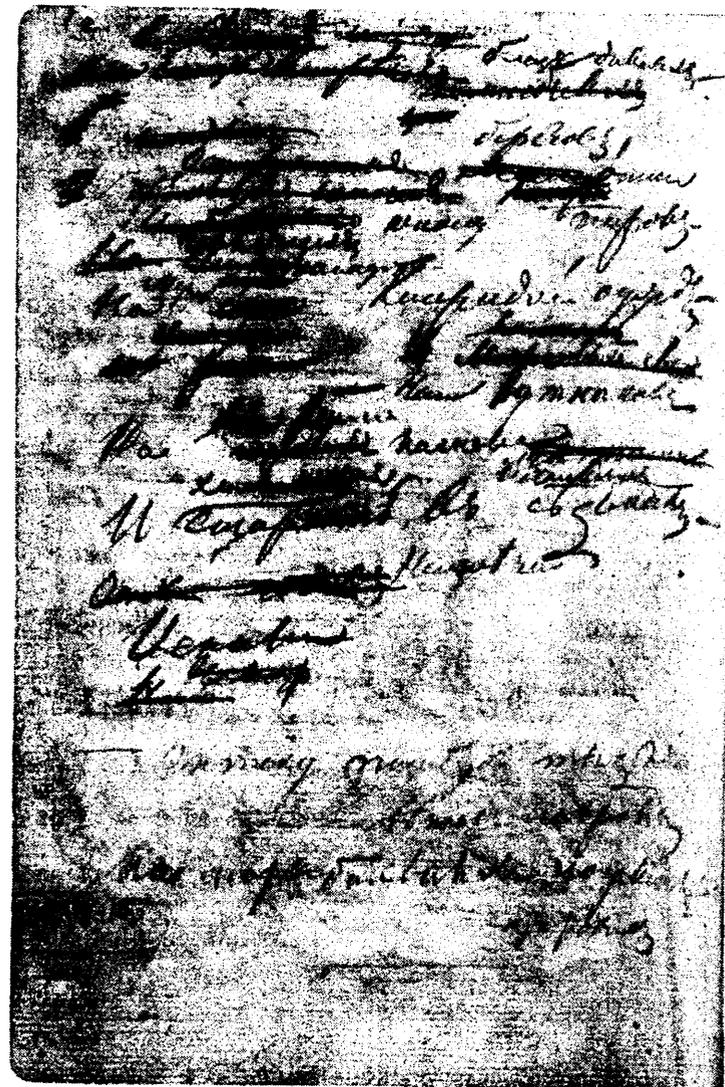

Рис. 2. Обратная сторона автографа
«Я видел Азии бесплодные пределы...»
(ПД 830, л. 6 об.).

Одиннадцатый стих в сводке С. М. Бонди читается:

[Мой взор встречал] близ дивных берегов

К нему даны предшествующие варианты: а. К б. Близ в. Там г. Я д. <пропуск> целебных берегов е. <пропуск> волшебных берегов. В автографе слова, составляющие этот стих и его варианты, располагаются следующим образом:

[я]
[Нрзб.] [Там] [мой взор]
близ дивных
[Къ] [близ] [встречал]
[волшебных]
[цел<ебных>]
берегов

Положение «[я]», написанного над конечным «ъ» от слова «Там» и прижатого к верхнему обрезу листа, указывает на то, что последовательность записей над исходной, основной строкой²³ отличалась от принятой в вариантах С. М. Бонди:

в. Там
г. Мой взор
д. Я

Расположение относительно друг друга наречия «Там» и глагола «встречал» дает веское основание предположить, что он появился в строке уже на стадии «в»: для Пушкина было привычным, зачеркнув первые элементы только что начатой строки и написав над нею замену, далее в нее вернуться и продолжить писать под последними буквами надписанного слова, если оно выступило вправо над зачеркнутым. Найти заполнение между «Там» и «встречал» («в. Там <пропуск> встречал») не удалось, а ритмически правильный вариант образовался заменой первого слова на два («г. Мой взор встречал»). Одна-

ко здесь, как представляется, возникло затруднение со второй частью стиха (не написанной, но, видимо, державшейся поэтом в голове), которая, вероятно, не сочеталась с «мой взор». Пушкин примеряет местоимение «Я» («д. Я <пропуск> встречал»), но снова не может преодолеть собой ритма. Забрав на этой стадии все наметки первого полустиха, он работает, от них независимо, над вторым («е. <пропуск> цел<ебных> <берегов> ж. волшебных берегов») и в очередной раз оставляет стих незавершенным («11. <пропуск> близ дивных берегов»).

Следующая строка допускает два равноправных в своей предположительности и убедительности решения. Работа в ней прошла через варианты:

а. *Начато*: И младых
б. И <нрзб. первая буква начато над «[младых]» слова>
12 И

Более Пушкин к ней не возвращался. Однако незачеркнутый союз позволяет предположить, что поэт резервировал место для стиха, который открывал бы анафорический ряд (ср. 15, 16) и рифмовался со стихом 14 («осужд-<енных>»). В этом случае стихотворение имело бы четкую структуру: три четверостишия с перекрестными рифмами в обрамлении двустиший. С другой стороны, место за союзом, где должна была бы проходить строка, заполнено у правого края листа набросками к предыдущему стиху, и это можно истолковать в том смысле, что первоначально задумывавшийся стих, начинающийся с этого «И», на дальнейшей стадии был сочтен поэтом ненужным. Но эта интерпретация действительна лишь при условии, если имеются бесспорные признаки того, что слова «[цел<ебных>] [волшебных] берегов» были написаны позже начального союза. Уверенности в этом нет, из чего следует, что предполагаемый стих мог быть начат на одной горизонтали с уже имевшимся в строке словом «берегов», которое в этом случае не может быть признаком отмены. С. М. Бонди не включил анализируемое «И» в основной текст, а начатое «И младых» представил вариантом к стиху 12 своей сводки (Акад. II, 622, сн. 2а). Она имеет 15 стихов, и между обрамляющими двустишиями находятся четверостишие (стихи 3–6) и семистишие (стихи 7–13). Для пушкинских воль-

²³ Записи над исходной строкой показаны более мелким шрифтом.

ных ямбов подобная структура не является чем-то необычным. Хотя их основу составляют четверостишия с варьирующей рифмовкой, во всех почти стихотворениях такого рода присутствует по крайней мере один строфоид из большего, от пяти до восьми, числа строк и употребляются двустишия.²⁴ Таким образом, реконструкция С. М. Бонди имеет естественную для пушкинских вольных ямбов стиховую организацию; но его текстологическое решение относительно разбираемой строки не может быть признано единственно правильным и окончательным.

Последние четыре стиха (13–16) не требуют сложных и развернутых пояснений, и последовательное становление каждого из них достаточно представить в традиционной системе подачи вариантов.

13. а. *Начато*: И дряхлых юношей Кипр<идой осужденных> <?> б. *Начато*: Отступников веселий в. И бледных юнош<ей> отст<упников> пиров — г. Увядших²⁵ юнош<ей> отст<упников> пиров —²⁶

14. а. *Начато*: На муку б. На муки²⁷ в. На муки²⁸ <пропуск> Кипридой осужд-<енных> г. На муку тайную Кипридой осужд-<енных>

15. а. *Начато*: И рат<ников> б. На горд<ых> <?> в. На гордых косты<лях> г. На²⁹ [На] <нрзб>³⁰ косты<лях>³¹ д. И³² Мар-

²⁴ Например, «Погасло дневное светило...» (стихи 17–23, 28–32), Посвящение к «Кавказскому пленнику» (стихи 9–15, 20–31), «Война» (стихи 5–12), «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем!..» (стихи 5–11) и др.

²⁵ По всей видимости, прилагательное «Увядших», находящееся под зачеркнутым «[И бледных]», было написано позже варианта 14а.

²⁶ Здесь и далее последний вариант показывает состояние стиха, в котором он был оставлен Пушкиным.

²⁷ Не имея места для правки над строкою, куда уже вписано прилагательное «Увядших» (см. сноску 25), Пушкин, зачеркнув слово «муку» в варианте 14а, пишет под ним «муки».

²⁸ Зачеркнув оба слова в 14б, Пушкин спускается ниже и пишет слова «На муки» заново.

²⁹ Предлог от варианта «в».

³⁰ Чтение С. М. Бонди: ранних.

³¹ Предполагавшаяся началом стиха и соответственно написанная на странице, эта фраза становится его концом. Выше, на правой половине листа, столбиком, параллельным к «а» и «б», идет работа над первым полустихием.

³² Переправлено из начатой буквы «М»?

совых сын<ов> на <нрзб.> косты<лях> е. И воинов <пропуск> на <нрзб.> косты<лях> ж. И <нрзб.> путников на <нрзб.> косты<лях> з. И <нрзб.>³³ ратников на <нрзб.> косты<лях> Участие в «ж» и «з» не зачеркнутого при переходе от «е» начального союза «И» небесспорно. Если предполагалась анафора, на что указывает его появление в вариантах предшествующих стихов, то здесь он уместен. С другой стороны, неразборчивое слово перед «путников» / «ратников» написано с заглавной буквы, что, казалось бы, формально исключает союз из стиха. Без него это слово должно быть трехсложным, а написанное явно этому не отвечает; но Пушкин мог прибегнуть к сокращению. Аргументы за и против взаимно уравновешиваются.

16. а. И старость в <пропуск> седилах б. И хилых стариков в <нрзб.> седилах в. И хилых стариков в печальных седилах г. *Начата правка*: И стар[ост]ь хилая

Далее Пушкин увязает на первом же слове, из пяти намеков которого три даже не были дописаны до конца:

17. а. От <пропуск> годов б. Неизлечи<...> в. Искали³⁴ г. Не здра<...>³⁵ д. Не возр<...>

В этот момент, устав, наверное, от стихотворения, Пушкин его бросает — в буквальном смысле на полуслове, оставляя последний слой текста в следующем состоянии:

Я видел Азии бесплодные пределы
Кавказа дальный край, долины <?> обгорелы
Жилище <пропуск> Черкесских табунов
<пропуск> вершины
Обвитые венцом летучим обл<аков>
И закубанские равнины - ! —
<пропуск> там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных
Благословенные струи!

10 Надежда верная болезнью изнуренных!
<пропуск> близ дивных берегов

³³ Чтение С. М. Бонди: юных. Однако, он не заметил, что «ратников» исправлено из «путников», а приложение к ним определения «юных» вызывает сомнение.

³⁴ Чтение С. М. Бонди. Чтение В. Е. Якушкина: И скалы

³⁵ Чтение С. М. Бонди

И <пропуск>

Увядших юнош<ей> отст<упников> пиров —

На муку тайную Кипридой осужд-<енных>

И <нрзб.> ратников на <нрзб.> косты<лях>

И стар[ост]ъ хилая в печальных седилах

Этот *реально фиксируемый автографом* текст существенно отличается от сводки С. М. Бонди, которая не имеет пустот и представляет набросок законченным, художественно совершенным эскизом, безупречным в своей стиховой организации.

Получившее в пушкиноведческой текстологии приоритет извлечение из черновиков связных поэтических текстов путем конструирования стихов комбинациями зачеркнутых слов и фраз, извлекаемых из разных слоев правки, опирается на несколько главных аргументов. Первый: когда Пушкин работал над стихотворным текстом, в его голове всегда присутствовал какой-то связный его вариант, который может и не отражаться полностью в незачеркнутом слое автографа. Второй: реконструируемые стихи реально существовали в какие-то моменты работы над произведением и, будучи, таким образом, подлинно пушкинскими, имеют право находиться в тексте на основании предыдущего аргумента. Третий: Пушкин имел обыкновение возвращаться к отвергнутым вариантам, никак этого не отражая в более раннем автографе, а закрепляя лишь в позднем, чему можно привести убедительное множество примеров. Проведенный анализ автографа «Я видел Азии бесплодные пределы...» демонстрирует *весьма относительную надежность и большую шатость* этих оснований.

Вполне правдоподобно допустить, что, если бы Пушкин стал дорабатывать этот набросок, он восстановил бы по крайней мере некоторые из зачеркиваний, так что в подвергшемся новой правке тексте могли бы появиться и сосуществовать стихи:

3 Жилище дикое Черкесских табунов

7 Ужасный край чудес! — — там жаркие ручьи

11 Мой взор встречал близ дивных берегов

Но столь же вероятно, что для пустот, оставшихся в этих стихах, Пушкин нашел бы какие-то иные слова и фразы. По-

скольку же он потерял интерес к наброску и более им не занимался, заведомая недоработанность текста предполагает и наличие в нем неоформившихся стихов и ненайденных или не выбранных окончательно из уже написанных лексических элементов.

Решение С. М. Бонди ввести в сводку из предпоследнего, самого, казалось бы, «надежного» для текстологических реконструкций слоя автографа, зачеркнутый эпитет «[дикое]» оказывается, при внимательном рассмотрении, очень спорным и сомнительным. Что имел в виду Пушкин, когда его зачеркивал? Если он его не удовлетворил по каким-то смысловым или эстетическим соображениям, то восстановленный стих «Жилище [дикое] Черкесских табунов» серьезно нарушает его авторскую волю и вводит читателя (исследователя) в заблуждение относительно его истинного творческого намерения в данном случае. Если же вычеркивание этого прилагательного означало возвращение к эпитету «[знойное]», не обозначенное знаком восстановления, то оно было сопряжено, по всей очевидности, с отказом от полустиха «Подкумка знойный брег», подлежащим, следовательно, изъятию из сводки, которая тем самым разрушается в другом своем слабом звене.

Не подтверждается детальным разбором автографа и предполагаемое существование в какой-то определенный момент единого связного от начала и до конца текста. Когда шла работа над седьмым стихом, четвертый, если верны приведенные выше наблюдения, уже разрушился и остался в виде одного лишь конечного слова. Даже если прав С. М. Бонди и в последнем варианте четвертый стих был цельным («Подкумка знойный брег, пустынные вершины»), то не сходились одновременно седьмой и одиннадцатый (как он их читал), тем более что обе половины второго из них в процессе работы над ним, кажется, так ни разу не соединились в целое. Наконец, для придания своей сводке законченности С. М. Бонди изъясил из нее строку, в которой значится лишь начальный союз «И». Если же стать на другую, равноправную, как было показано, с этой точку зрения и включить его в текст, появляется стих, для которого место было оставлено, а завершение не было даже намечено.

Предположение, согласно которому какие-то изменения текста, в том числе и мелкие, Пушкин мог держать в голове, не показывая их в автографе, убедительно до тех пор, пока речь идет о черновике небольшого стихотворения, рассматриваемом одиночно, абстрагируясь от других ему подобных своей запутанностью и содержащих, если верить редакторским сводкам, поэтические шедевры. Стоит представить себе общее число и массив таких черновики, оставленных Пушкиным без перебеления, как неизбежно встают вопросы: неужели Пушкин был так равнодушен к этим прекрасным творениям, что не удосужился привести в должный вид хотя бы самые трудноразборчивые из-за обильной правки черновики? или он настолько полагался на свою память, что доверял ей хранить немалое количество стихов из разных черновики, не давая себе труда хотя бы обозначить четкими условными значками основные перестановки, восстановления и пр.? или же на самом деле не существовало тех совершенных в поэтическом отношении стихотворных текстов, которые представляют редакторские сводки? не по этой ли как раз причине оставались черновики в том виде, какой они имеют? Ответ не может быть типологическим, он может быть только индивидуальным для каждого случая. Применительно к автографу «Я видел Азии бесплодные пределы...» для последних двух вопросов он утвердительно. Выразить кавказские впечатления стихами Пушкину и на этот раз не удалось. Они вырвались на бумагу лишь прозой — в письме к брату из Кишинева 24 сентября 1820 г., а в поэтическую форму облеклись уже много лет спустя в «Отрывках из Путешествия Онегина» (Акад. IV, 198–199).

О ТЕКСТЕ ПУШКИНСКОГО ПОСЛАНИЯ «ТЫ ПРАВ, МОЙ ДРУГ, НАПРАСНО Я ПРЕЗРЕЛ...»

Послание «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» Пушкин писал в первой кишиневской тетради (ПД 831) на л. 56 об. — 58 и оставил в трудночитаемом черновике с обильной правкой. Выделение слоя, зафиксировавшего это незавершенное стихотворение в том его состоянии, в каком поэт прекратил над ним работать и более к нему не возвращался, растянулось на восемь с лишним десятилетий¹ — с 1855 до 1938 года, когда И. Н. Медведева опубликовала подготовленный ею текст,² который с небольшими изменениями вошел в академическое «Полное собрание сочинений» (Акад. II, 265–266) и с тех пор перепечатывается во всех изданиях.

Этот текст не есть точное воспроизведение написанного Пушкиным на указанных листах. Он претерпел существенное редакторское вмешательство в соответствии с одной из главных методологических установок академического «Полного собрания сочинений» извлекать из черновики как можно более цельные художественные стихотворные произведения. Для достижения этого эффекта в данном случае были исключены из текста (без обозначения его разрыва) и выведены в отдел вариантов записи (наброски строф, план продолжения стихот-

¹ История установления и публикации текста подробно прослежена в текстологической справке И. Н. Медведевой в Акад. II, 1118–1119. Ранее те же сведения были приведены в статье: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 54–55.

² *Медведева И. Н.* Два стихотворения Пушкина // Лит. газета. 1938. 8 февр.